

9. *Лихачев Д. С.* Необходим справочник «Литературные места России» // Лит. газ. 1980. 12 марта.
10. *Лотман Ю. М.* Феномен культуры. Тарту, 1978.
11. *Максаковский В. П.* Географическая культура. М., 1998.
12. *Митин И. И.* Комплексные географические характеристики: Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск, 2004.
13. *Полуева Л. А.* Средства массовой информации в культуре переходного периода. Саранск, 2004.
14. *Чихичин В. В.* Географический анализ образов городов Ставропольского края. М., 2008.

М. А. Литовская
г. Екатеринбург

Кедра Митрей: образ классика-основоположника в современной словесности*

Функционирование современной литературы как социального института в принципе предполагает, что классика — «ядро» национальной словесности — выполняет в обществе функцию, в частности, своеобразного аккумулятора ценностно значимых для данного общества смыслов, воплощенных в образно-символической форме. Значительная роль, которую классика играет в обществе, неизбежно приводит к необходимости регулярно совершать в отношении классических текстов и их авторов разного рода символические жесты, подчеркивающие их общественное влияние [1, с. 9–42; 3, с. 272–287]. Знаками социального почтения являются, например, переиздания текстов и включение их в списки обязательного для всех чтения, т. е. в первую очередь в школьную программу, называние именами классиков улиц и разного рода общественных учреждений, установка памятников, превращение в особенные, специально обозначенные мемориальными досками и барельефами, места их пребывания, создание мемориальных домов или усадеб-музеев, наконец,

---

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО РАН «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX — первой трети XX в.».

привлечение имен классиков для придания тому или иному месту символического статуса.

Вследствие особой значимости именно классическое наследие оказывается максимально стереотипизированным, так как каждый конкретный тип общества предлагает свою «правильную» и «окончательную» интерпретацию жизненного пути и творчества художника, а также ее широкое распространение. По справедливому замечанию М. Загидуллиной, происходит своеобразная редукция творческих результатов писателя, признанного классиком, когда его жизнь и творчество сводятся к набору нескольких общих примет, выделяющих его в ряду других авторов, занимающих аналогичный статус [2].

Особенно энергично этот процесс происходит при осмыслении опыта основоположников той или иной литературы, так как сложившаяся в истории культуры символика начала предполагает почти обязательное «упорядочивание» образа, его включение в «пантеон» создателей признанных классическими текстов разного масштаба: от регионального до мирового. Редуцированный образ «основоположника» формируется обычно на пересечении научных изысканий и предания, устойчивой традиции и актуальных общественных (в отдельных случаях государственных) требований; он закрепляется в нарративах, создаваемых и воспроизводимых экскурсоводами и журналистами, преподавателями литературы и их учениками, другими художниками — профессиональными и самодеятельными. Подобные нарративы из-за их широкой распространенности и общепринятости представленных в них оценок редко становятся предметом рефлексии, хотя представляют интерес как своеобразный промежуточный итог интерпретационной работы конкретных исследователей и коллективной памяти.

Рассмотрим на нескольких примерах, каким предстает типовой образ выдающегося писателя и деятеля культуры, одного из основоположников удмуртской литературы Кедр Митрея. Научная биография Кедр Митрея (Дмитрия Корепанова) создана немалыми усилиями многих удмуртских литературоведов. И начальный, и конечный этапы его жизни крайне слабо документированы, а новые биографические документы продолжают периодически появляться по мере открытия архивов.

Будущий писатель родился в 1892 г. в многодетной крестьянской семье, с 1899 по 1904 г. учился в церковно-приходской школе, потом в Зуринском двухклассном училище, в 1907 г. поступил в Казанскую учительскую инородческую семинарию. Это типичный для начала XX в. путь для одаренного мальчика из социальных «низов». Российское

правительство в ограниченном количестве готовило кадры «местной» интеллигенции, определяя «местность» по классовому и этническому признакам. Дмитрий Корепанов соответствовал требованиям, негласно предъявляемым к потенциальным представителям формируемого сословия. Молодой человек был явно интеллектуально одарен, а также обладал необходимыми прилежанием, вниманием, покладистостью. Учение представляло для него высокую ценность, он осознал открывающуюся перед ним социальную перспективу — стать транслятором «высшего» знания, а также собирателем и обработчиком «народной мудрости», поэтому энергично знакомился с русской культурой, интересовался народными обычаями, фольклорными текстами, готовя себя в будущем не только учить народ всему, что знаешь сам, но и учиться у него. Подобная перспектива требовала особого — энциклопедически широкого — образования, чтобы учитель был в состоянии отвечать на разнообразные запросы своих учеников и их родителей.

Нетипичным в судьбе Дмитрия Корепанова стал выразившийся в открытых разногласиях с руководством семинарии духовный кризис внешне вполне успешного молодого человека, который уже сделал достоянием публики свои оригинальные тексты на русском и удмуртском языках, т. е. был подготовлен к стезе двуязычного просветителя. В итоге в 1911 г. его исключают из семинарии, экзамены на звание учителя ему удается сдать только через несколько лет. Однако исключение послужило толчком к окончательной обработке рукописи повести «Дитя большого века», текст которой изначально, видимо, представлял собой типичные для письменно образованного юноши, к тому же сориентированного на писательскую деятельность, автопсихологические заметки об истоках его духовного кризиса, но в итоге развился в полноценную автобиографическую повесть. В тексте, явно опирающемся на жанровые традиции романа воспитания, осуществлена попытка генерализации собственного опыта (крестьянский мальчик на тернистом пути обретения полноценного знания).

Получив первые опыты очеркового, социально-психологического, автопсихологического письма, Кедр Митрей берется еще за одну задачу, типичную для писателей, занимающих сходное положение в литературном процессе. Речь идет о творческой переработке родного фольклора. В 1912 г. он одновременно сдает экзамен на звание учителя, тем самым формально завершая свое образование, и работает над стихотворной трагедией «Эш-Тэрек».

Февральская революция застала его в Иркутске, с ноября 1917 г. он работает в штабе Сибирского военного комиссариата. Сложно сегодня сказать, испытывал ли Д. Корепанов сомнения по поводу того, на чьей стороне воевать, события жизни начинающего писателя периода Гражданской войны, как у большинства его сверстников, слабо документированы. Жизнь в ситуации активных военных действий, смена властей, призывной возраст молодого человека, до этого никогда активно не занимавшегося политической борьбой, — все мало способствовало формированию биографии нестигаемого большевика. Другое дело, что позже, в автобиографиях, которые будут во множестве писаться по разным поводам, писатель попытается сгладить свои, скорее всего, вынужденные метания этого времени. В этом он также был не одинок: автобиографии большинства писателей — его ровесников, оставшихся в Советской России, постоянно правились ими, «приглаживаясь» по мере ужесточения предъявляемых к «инженерам человеческих душ» политических требований.

В 1920 г., после демобилизации, Кедр Митрей сначала живет в Вятке, затем в Игре, в 1923 г. переезжает в Ижевск. Мирный этап его биографии также был в известной степени предопределен происхождением и предшествующим опытом. Образованный удмурт из бедных крестьян, учитель, прошедший армейскую и партизанскую «школы», т. е. имеющий определенные организаторские навыки, наконец, человек, хорошо владеющий пером и устной речью, равно знающий удмуртский и русский языки, — подобный набор качеств был нечастым в начале 1920-х гг. В 1922 г., вступив в партию большевиков, Корепанов был буквально обречен на профессиональную организаторскую работу, и это занятие, судя по всему, его увлекло, тем более что он сумел увидеть в нем те возможности, о которых мечтал еще до революции. Он входит в «костяк» удмуртской интеллигенции, на сей раз уже советского образца.

Неудивительно, что основными направлениями организаторской работы для дипломированного учителя оказались просвещение и журналистика. С 1921 г. Д. И. Корепанов работает в Зуре, в Дебесах в отделах народного просвещения, а с 1923 г. — в редакции газеты «Гудыри» («Гром») сначала литсотрудником, затем — с 1924 по 1928 г. — редактором. Перечисление должностей, занимаемых Д. И. Корепановым, впечатляет разнообразием и ответственностью. С 1923 по 1929 г. он является членом Удмуртского облисполкома, с 1925 по 1928 г. — членом пленума Удмуртского обкома ВКП(б), с 1924 по 1926 г. — членом президиума пленума облпрофсоюза. В 1930-е гг. он учится в аспирантуре Московского научно-исследовательского программно-методического института,

работает доцентом Удмуртского пединститута и завсектором удмуртского языка и литературы в УдНИИ, а потом и его директором, избирается председателем правления Союза писателей. Включившись в активную общественную работу, Кедр Митрей публично размышляет о новой жизни, удмуртском народе, о развитии удмуртского языка, формирует исследовательские и образовательные программы по языку, фольклору и литературе, предлагает пути развития национального самосознания удмуртов.

Казалось бы, при огромной загруженности (деятельность, которой занимался Д. И. Корепанов, отнюдь не была представительской, она требовала не только личного присутствия, но постоянной разработки новых концепций, планов, их корректировки, проверки успешности реализации) и постоянно растущей семье писатель должен был оставить художественное творчество. Но периоды взлета национального самосознания порождают сходный тип разносторонних личностей — теоретиков и практиков родной культуры. Он много переводит, в 1924 г. выходит в свет трагедия «Идна-батыр», в 1926 г. — повесть «Вужгурт» и сборник «Из-под туч на солнышко», в 1928 г. опубликована поэма «Юбер-батыр», в 1929 г. выходит в свет роман «Тяжкое иго» — первый исторический роман в удмуртской литературе.

Таким образом, Кедр Митрей (наряду с Кузубаем Гердом) выполняет важнейшую миссию — становится своего рода культурным героем удмуртов. Он предоставляет национальной литературе тексты разных жанровых и стилевых направлений, по сути дела, в одиночку проходя за нее исторический путь, необходимый, чтобы приблизиться к реалистическому типу письма, тогда, видимо, казавшемуся ему вершиной литературного развития. Во всяком случае, реализм позволял осуществлять то, к чему он стремился как писатель и общественный деятель: предложить свое видение истории удмуртов в жизнеподобных повествованиях; изобразить своеобразный удмуртский быт; сделать пригодные для современного употребления обработки удмуртского фольклора, чтобы связать бесписьменное прошлое удмуртов с советским настоящим, фольклорную условность с натуралистическим описанием быта и нравов; наконец, нарисовать привлекательные с точки зрения людей 1920–1930-х гг. народные типажи.

Художественные тексты, созданные Кедром Митреем, могут показаться не слишком оригинальными, если рассматривать их в контексте других литератур, идущих по сходному пути, но, судя по всему, писатели, подобные Кедру Митрею, стремились показать, что их народ переживал те же коллизии, что и другие, а значит, его духовный и исторический

опыт принципиально не отличается от духовного опыта народов-соседей, в том числе и считавшихся более развитыми. Им приходится всем строем своей творческой деятельности доказывать, что отсутствие письменности не есть отсутствие духовной жизни, что неграмотные персонажи испытывают всю полноту чувств, а переживаемые ими страсти символически уравнивают их с персонажами «классической», например русской, литературы. Подобная литература акцентировала внимание на универсально-национальном и социально-классовом. При этом, конечно, в ней не могли не отразиться как специфические удмуртские реалии, так и представления автора об этнических проблемах, видимые изнутри этноса, но слабо замечаемые снаружи [4, с. 249].

Титаническая творческая деятельность одаренного журналиста и общественного деятеля отчетливо проявляла позицию Кедр Митрея по целому ряду спорных проблем, в частности по проблеме национальной политики. Смена политических интерпретаций, государственная установка на поиск внутренних врагов приводили то к восхвалению писателя-основоположника, то к жесткой его критике. 16 сентября 1937 г. в «Удмуртской правде» появляется редакционная статья «Буржуазный националист во главе Союза писателей», 21 сентября 1937 г. Кедр Митрей был арестован, после чего начался последний трагический этап его жизни. 11 ноября 1949 г. писатель скончался в больнице с. Чумаково Михайловского района Новосибирской области.

В 1956 г. произошла посмертная реабилитация. Семье была возвращена часть рукописей, отобранных при обыске¹. В 1965 г. вышла первая после смерти книга «Избранное», тексты писателя включили в школьную и вузовские программы по литературе, написано несколько его биографий, постоянно пополняется число статей о жизни и творчестве писателя [Там же, с. 331–338].

Таким образом, Кедр Митрей, с самого начала примерив свою биографию к «больному времени», стал сначала активнейшим его деятелем, а потом и жертвой. Являясь, по сути, писателем, формирующим жанровую полноту удмуртской литературы, Кедр Митрей был объявлен классиком-основоположником. С одной стороны, это стимулировало научное изучение его творчества, активную архивно-розыскную и интерпретаторскую деятельность филологов, историков, краеведов, с другой — инспирировало появление текстов, задающих «популярный» образ классика,

---

¹ По мнению Г. Д. Корепанова, было утеряно большое количество сказок, книга «Бесермяне», дневники, подготовительные работы, ученические тетради [4, с. 274].

поддержку определенных стереотипов его восприятия. Проблема формирования образа Кедр Митрея как писателя-классика, вне сомнения, ждет своих исследователей, мы же рассмотрим несколько современных текстов, свидетельствующих, на наш взгляд, о том, что «редукция» образа писателя состоялась, а «массовый» образ его оказался закрепленным в устойчивой системе оппозиций и утверждений.

Идеологическая нагрузка, которая возлагается на писателя-классика в литературоцентричном обществе периода подъема национального движения, предполагает создание из фактов его творческой биографии образа героя народного духа, соразмерного гениям других народов (Кедр Митрей как удмуртский Чехов, Горький и т. п.). На Кедр Митрея как на основоположника удмуртской литературы возложена обязанность формирования картины национальной истории в наиболее значимых ее моментах, определения ключевых представлений этой истории (Кедр Митрей как бытописатель, социальный аналитик и создатель программ по истории удмуртской литературы и литературному образованию в удмуртских школах). Он выступает как один из создателей неких узаконенных как образцовые образно-символических форм, переосмысляющих мифологические и религиозные каноны, легендарные сюжеты, фольклорную символику и метафорику. «Крестьянский сын из удмуртского села, Дмитрий Корепанов, благодаря упорству и таланту, поднялся на вершины энциклопедических знаний: в его художественном мире пересеклись три культуры: удмуртская, русская и европейская (был женат на образованной и просвещенной польке), владел удмуртским, русским, коми, английскими языками. Стал образцом для подражания для многих поколений писателей. <...> В характере Кедр Митрея сконцентрировались лучшие национальные черты своего народа», — пишет активный исследователь и популяризатор творчества Кедр Митрея З. Богомолова [4, с. 7].

В рассчитанных на широкого читателя биографиях Кедр Митрея выделяются начальная и завершающая части, как уже отмечалось выше, наименее документированные. Чаще всего воспроизводится вполне типичный рассказ о крестьянском пареньке, который с котомкой за плечами пешком пришел учиться, благодаря труду и таланту стал одним из основоположников родной литературы, затем прошел крестный путь репрессированного, чтобы годы спустя после смерти занять свое место в культуре Удмуртии как классик.

Народный поэт Удмуртии Олег Поскребышев в стихотворении «Кедр Митрею» создает предельно обобщенную картину судьбы удмуртского классика: «В тисках забот, / Сквозь частокол невзгод / Шел к людям

он, /любя родной народ. <...> Все сделанное им — /большой залог, /Что он создать и много / больше мог. /Но, словно ток / пустить через себя, / Бессудный суд — была его судьба» [4, с. 98]. Ему вторит Елена Красноперова: «Через многие невзгоды / Он прошел и лишь тогда /К правде отыскал дорогу, / Но какой она была!» [Там же, с. 290].

Более детализированно, с опорой на широко известные факты биографии писателя ту же схему воспроизводит Н. Тяптин в стихотворении «Памятник Кедр Митрею»: «Им кажется, что он еще вчера /с мальчишками, вихрастый непоседа, гонял все ненавистного Чера — / спасал от бед свой дом и дом соседа. / Сибирский тракт листвой берез звенел, / когда в Казань он на учебу ехал, / и долго лес игринский вслед гудел / ему своим осенним гулким эхом. / <...> Как много сделал этот человек! / И сколько б взял еще высот он с боем, / когда б не наш жестокий, подлый век, /его вдруг в жизни сделавший изгоем. / Безжалостный свирепый ураган /на десять лет унес его в изгнание / и бросил в рабство в страшный Магадан / бездушным палачам на поруганье» [Там же, с. 317].

Главным делом и жизненным достижением крестьянского мальчика стала литература: «С упорством пахаря на ниве дней / Стал сеять слово он / в сердца людей. / И поднималось колосом оно. / Давая думам новое зерно» (О. Поскребышев); «Все, что видел он на свете, / Что когда-то пережил, / Все, как было, в сером цвете — / В книжки он переложил» (Е. Красноперова); «Простой удмуртский мальчик из села / На крыльях знаний так сумел подняться, /свершил такие славные дела, / какие многим ныне и не снятся! /Какой талант ему был Богом дан! / Впервые им представлены в природе /трагедия, и повесть, и роман / в удмуртской молодой литературе. / Прозаик, драматург, лингвист, поэт, / и фольклорист, и очеркист, и критик... / Он как удмуртский университет, / с науками был связан сотней нитей» (Владимир Тяптин); «И нитью чуткого стиха, /И ярким словом прозы, /Он заставлял сердца стучать, / И проливались слезы» (Ольга Сажина).

Источник литературных текстов писателя, согласно канону биографии основоположника, лежит в народной мудрости, усвоенной и заново воплощенной писателем. В. Владыкин, называя Кедр Митрею «немеркнущим самоцветом», выстраивает такую линию его судьбы: «Кедр Митрей постепенно становился самим собой. Он неистово учился и перучивался. Особенно многому он научился у своего народа. Мучительно размышлял о его исторической судьбе. Так родились “Дитя больного века”, “Тяжкое иго”, “Вужгурт содрогается”. А еще до этого он выпустил из забвения на волю удмуртских батыров: Эш-Тэрек, Идну-батыра,

Юбер-батыра» [4, с. 13]. Это положение подтверждают и стихотворения: «На нарах с ним — Юбер-батыр —впритык, / Идна-батыр, Дангыр — его герои. /И песней сердца милая Дыдык / его спасала горькою порою» (Владимир Тяптин).

Тексты писателя — основоположника национальной литературы не могут не быть созвучны чувствам своих соплеменников, так как он, хоть и является «великаном» [Там же], в первую очередь сын своего народа: «Пуускай воды немало утекло, / Озябшим — в стужу от него тепло, / А истомленным — он добавит сил, / А краю своему / Он — милый сын». Сыновняя связанность Кедр Митрея с родным краем проявляется в природном соучастии в его судьбе. В наивно-непосредственной форме это выражено в стихотворении В. Тяптина: «Ликует вся игринская земля, / горит огнем осенних ярких красок, / и вновь Кедр Митрея тополя / звенят словами дедушкиных сказок. / <...> Береза старая пыталась зашагать / к нему в Сибирь, куда он вновь был брошен, / да не смогла — упала, словно мать, / узнав, что он снегами запырошен. / <...> Шумите громче над Игрой, ветра, / чтоб каждый куст в округе встрепенулся! / Ликуй, Лоза! Ликуй и пой, Игра! / Твой верный сын к тебе навек вернулся!»

Главное человеческое качество Кедр Митрея — его бунтарство, проявляющееся в постоянной готовности противостоять уготованной ему судьбе крестьянского паренька, тихого учителя, неграмотного удмурта, лишённого собственной литературы. «Под гнетом властного отца, / Как яркий лучик света, / Наперекор ветрам пришло / «Дитя большого века»» (Ольга Сажина). «Спокойной роли семинариста с его последующей сытой жизнью он предпочел жизнь бунтаря, изгоя. Правда, понимал ее несколько романтически. Мечтал, когда по его родной Чепце пойдут пароходы, создал проект ее судоходства, строил почти настоящие воздушные шары и чуть на спалил лавку местного богача, увлекся газетным делом и даже успел выпустить один или два номера» [Там же]. «Души бунтарской дух неистребимый» сделал Дмитрия Ивановича Корепанова писателем-первооткрывателем и «батыром», сражавшимся за свой народ и его право говорить от своего имени.

Современные популярные нарративы о Кедр Митрее демонстрируют высокую степень клишированности, в них появляются устойчивые, характерные для подобного рода рассказов мотивы и сюжетные линии. «Дорогой сын», «прославивший родимый край», творивший «добро и радость», «бунтарь», подобный героям-богатырям из фольклорных сказаний и его собственных текстов, который «на свою Голгофу, как Христос, взошел — распяты книги, честь и имя!», чтобы потом «в бронзе»

вернуться к «родным» Лозе и Игре. «Древний» удмуртский народ, благодаря Кедре Митрею, обрел свою записанную историю. Юность бунтаря, кровно связанного со своим народом, и трагическая судьба, типичная для человека XX в., — вот основные составляющие редуцированной биографии одного из основоположников удмуртской литературы.

Практически во всех современных нарративах для широкой публики обходится «советская» часть биографии писателя, непосредственно связанная с партийным и государственным строительством. Важнейшая составляющая жизни Д. И. Корепанова — его самоопределение как государственного деятеля, качество текстов Кедре Митрея, специфика общественной ситуации, в которой формировался писатель, задачи, которые он перед собой ставил, специфические черты его эстетики — все это в итоге переносится в «академическую» биографию автора и историю удмуртской литературы. Остается надеяться, что постепенно выработанные в ученых дебатах идеи будут облечены в формулы, приемлемые для широкой аудитории, которая получит представление об образе классика удмуртской литературы, выходящее за рамки популярно-биографической традиции.

---

1. Дубин Б. Классика, после и рядом. М., 2010.

2. Загидуллина М. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск, 2001.

3. Компаньон А. Демон теории. М., 2001.

4. Шкляев А. Г. «...Мы все время добивались справедливости...»: [беседа с сыном Кедре Митрея о неизвестных страницах его жизни] // Опаленный подвиг батыра: жизнь и творчество Кедре Митрея : воспоминания, статьи и письма, посвящения и произведения Кедре Митрея /сост. З. А. Богомолова. Ижевск, 2003. С. 272–275.